

Предисловіе.

Въ концѣ X вѣка языческая Русь стала христіанскою; христіанство было признано государственной религіей. Конечно, сознательно христіанизировалась небольшая, лучшая часть русскаго общества. Народная масса долгое время оставалась при своемъ прежнемъ языческомъ міросозерцаніи, которое постепенно забывалось и видоизмѣнялось подѣ вліяніемъ новаго христіанскаго вѣроученія. Часто христіанскія и древнія языческія вѣрованія спокойно уживались въ сознаніи русскаго человѣка,—это и есть то самое двоевѣріе, которое приводило въ негодованіе нашихъ ревнителей благочестія. „Не могу терпѣть христіанъ, двоевѣрно живущихъ и вѣрующихъ въ Перуна, въ Хорса и другихъ боговъ“, писалъ христіолюбецъ, ревнитель по правой вѣрѣ. Вѣроятно, христіолюбцы были главнымъ образомъ изъ среды чернаго и бѣлаго духовенства. Какъ только Русь стала христіанскою, русская іерархія естественно должна была выступить противъ язычества, примѣняя различные способы: то назидая въ духѣ христіанства, то искореняя старыя вѣрованія и связанныя съ ними нравственные недостатки. Гражданская власть, признавъ христіанство государственной религіей, также боролась противъ остатковъ язычества; особенно сильно въ этомъ дѣлѣ сказалось вліяніе государства, начиная съ XIV вѣка, когда Русь освободилась отъ татарщины. Такъ боролись противъ остатковъ языче-

ства въ народѣ церковъ и государство. Государство, конечно, прибѣгало къ прещеніямъ, угрозамъ и наказаніямъ, вообще репрессивнымъ мѣрамъ. Церковь же вліяла на свою паству словомъ убѣжденія. Конечно, прежде всего должна была выступить противъ язычества высшая іерархія и вообще духовенство, на обязанности котораго лежала забота о религіозно-нравственномъ преуспѣяніи пасомыхъ. Полагаемъ, что бывали случаи, когда отдѣльныя лица, не въ силу только своего оффиціального положенія, а по собственному убѣжденію и почину выступали противъ остатковъ язычества. Возможно, что находились ревнители не только изъ духовенства, но и изъ мірянъ, приходившіе въ негодованіе при видѣ зазорныхъ, явно-языческихъ явленій. Въ словѣ нѣкоего христіянина есть такое выраженіе: „то се вамъ попомъ молвить Павелъ“. Можно думать, что эти слова принадлежатъ лицу свѣтскому.

До насъ сохранился цѣлый рядъ древне-русскихъ словъ и поученій, направленныхъ противъ остатковъ язычества. Эти памятники обличительной литературы для насъ драгоцѣнны: они даютъ матеріалъ для сужденія о нашемъ русскомъ язычествѣ и связанныхъ съ нимъ суевѣріяхъ. Правда, мы не очень много можемъ почерпнуть изъ нихъ на этотъ счетъ, но необходимо принимать во вниманіе, что направленные противъ остатковъ язычества слова и поученія—это не ученый трактатъ о язычествѣ, а сочиненія, имѣвшія цѣлью уничтожить память о язычествѣ. Главною задачею древней Руси было стремленіе стать истинно христіанскою и преуспѣть въ благочестіи, какъ его понимали древне-русскіе люди. Въ сочиненіяхъ противъ язычества противъ воли и желанія авторовъ отразились древнія языческія вѣрованія. Мы сожалѣемъ, что въ этихъ произведеніяхъ немного свѣдѣній о нашемъ язычествѣ; но не будь указанныхъ произведеній, мы имѣли бы еще меньше данныхъ для сужденія о прошломъ нашей родины.

Помѣщенные ниже памятники касаются разныхъ сторонъ русской жизни и относятся къ разнымъ вѣкамъ. Въ

общемъ они даютъ довольно полную картину міросозерцанія древне-русскихъ людей и довольно рельефно отражаютъ на себѣ постепенную смѣну вѣрованій. Древнѣйшіе памятники изъ приводимыхъ нами свидѣтельствуютъ, что въ XII—XIV вѣкахъ языческія вѣрованія были довольно живы: имена древнихъ боговъ живо сохранились въ памяти народной, богамъ приносились жертвы. Но древнее язычество уже потускнѣло, память о немъ утрачена настолько, что языческія божества смѣшиваются съ христіанскими, напр. Богородицу смѣшиваютъ съ рожицами.

Время шло, и древнее язычество тускнѣло все болѣе и болѣе. Въ памятникахъ XVI—XVII встрѣчаются имена боговъ, но писатели употребляютъ ихъ по старой памяти, искажаютъ, прибавляютъ не существовавшихъ боговъ, V каковы Лада, Полеель и проч. Мимоходомъ, какъ бы нехотя, упоминается бѣсъ хороможитель, т. е. домовой, о которомъ, очевидно, писатель не считаетъ удобнымъ говорить въ сочиненіи, посвященномъ такому важному предмету, какъ постъ.—На почвѣ древняго идолопоклонства у насъ были какія-то недоразумѣнія въ отношеніи иконопочитанія: какъ-то „написавше свѣтъ болваномъ“, кланялись этому изображенію, а также кланялись недѣлѣ болвану. Народъ съ трудомъ разставался съ древними привычками и традиціями: долгое время продолжались моленія кладенныя и рѣчныя. Праздники справлялись по-язычески: вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, народъ предавался играмъ и пляскамъ. И вообще въ народѣ замѣчалась сильная склонность къ развлеченіямъ въ духѣ древняго язычества. Русскіе люди плохо соблюдали постъ. При потерѣ близкихъ людей, скорбь о умершихъ выражалась чисто языческимъ способомъ. Немало труда и заботъ было употреблено ревнителями благочестія для искорененія разнаго рода суевѣрій, примѣтъ, гаданій, вѣры въ колдовство и проч. Все это нашло отраженіе въ нашихъ памятникахъ.

Помѣщаемыя въ настоящемъ изданіи древне-русскія слова и поученія служатъ приложеніемъ къ первому тому нашего труда „Борьба христіанства съ остатками язычества въ древней Руси“, гдѣ эти памятники разбираются въ систематическомъ порядкѣ. Здѣсь, во второмъ томѣ, мы помѣщаемъ тексты словъ и поученій съ критическими замѣчаніями къ нимъ.

I.

О постѣ к невѣжамъ в понедѣлокъ 2 недѣли.

Рук. С.-Петрб. Публичн. Б—ки. Собрание Богданова, по описанію Бычкова (вып. первый, 1891 г.) № 78, л. 6—7.

Слово „о постѣ къ невѣжамъ“ имѣетъ важное значеніе для выясненія древне-русскихъ вѣрованій. По содержанію своему—это обличительное слово, написанное просто и сильно. Складъ слова—чисто русскій. Рукопись, содержащая слово „къ невѣжамъ“, писана полууставомъ XVI вѣка, на 97 листахъ. Рукопись сохранилась плохо: не достаетъ начала, конца и многихъ листовъ въ срединѣ. Правописаніе не отличается единообразіемъ: иногда юсы ставятся, иногда нѣтъ (сѣть, кѣпи, время, воздухѣ), и употребленіе ихъ не всегда правильное. Въ правописаніи слова „къ невѣжамъ“ по мѣстамъ сказывается вліяніе устной рѣчи: любовь (вм. любовь), сміются (вм. смѣются). Слово печаль пишется двоякимъ способомъ: печаль и печаль. Вообще, правописаніе слова „къ невѣжамъ“ позднее и невыдержанное. Но по своему содержанію слово должно быть отнесено къ очень древнимъ. Въ словѣ говорится слѣдующее: „егда бо ся нарече великая сѣбота въ постѣ, в нюже было праводіти весь постъ, въ тоу же сѣботу невѣгласи поповелать взимати молоко и масло“.

„Поповелать“—испорченное мѣсто, вѣроятно, описка переписчика; слѣдуетъ читать: „невѣгласи повелать“ (слогъ *по* по-

вторенъ дважды ошибочно); или же должно быть такое чтеніе— „невегласи попове велать“, т. е. слогъ *ве* пропущенъ. И то и другое чтеніе имѣетъ смыслъ. О Чистомъ четвергѣ говорится слѣдующее: „въ сѣй великий четвертокъ повѣдають мрътвымъ мѣса и млеко и яйца и мылница топѣ. — та мѣса приповѣдають мрътвы. въ четвертокъ. и паки скверное то приповѣданіе, въ воскресеніе гнѣ ѣдятъ сами“.—Кажется, къ четверговой же трапезѣ относится слѣдующая рѣчь бѣсовъ: „оу сѣ бо ны ѣ всего досыти. и пити и асти. И здѣ же и мѣса приповѣдаю намъ. здѣ же сыри. здѣ же масло и яйца. и добраа плотки и короваи“ и проч. Изъ сопоставленія этихъ мѣстъ получается слѣдующее: въ Великій четвергъ приготавливали для мертвыхъ мясо, молоко и яйца, топили бани и т. п. Въ Великую субботу вкушали молоко и масло; четверговое же мясо ѣли въ Свѣтлое Воскресеніе. Всѣ эти нечестивые обычаи составитель слова строго осуждаетъ. — Указанное обстоятельство имѣетъ важное значеніе для опредѣленія времени составленія слова. Извѣстно, что у насъ церковная жизнь общества первоначально опредѣлялась студійскимъ уставомъ.

Студійскій уставъ былъ принятъ на Аѳонѣ, но съ измѣненіями и дополненіями, клонившимися въ общемъ къ большей строгости постовъ. Аѳонскій уставъ занимаетъ среднее мѣсто между постановленіями студійскаго и іерусалимскаго устава; послѣдній уставъ отличается еще большей требовательностью въ отношеніи исполненія постовъ и разныхъ дисциплинарныхъ правилъ. (Мансветовъ. О постахъ православной восточной церкви. Прибавл. къ Твор. св. отцовъ. 1886 г. Томъ 37, стр. 661, 667—668 и слѣд.).

По уставу Феодора Студита, постъ состоялъ главнымъ образомъ во времени принятія пищи, а не въ количествѣ и качествѣ ея, такъ что съ наступленіемъ вечера можно было употреблять въ пищу, кромѣ овощей—еще рыбу и яйца. Особенной снисходительностью отличаются постановленія относительно постовъ въ страстную седмицу (*ibid.*, стр. 665).

Говоря о студійскомъ уставѣ, имѣютъ въ виду не подлинныя произведенія Феодора Студита (ум. 826 г.), а извѣстные съ

его именемъ уставы¹⁾, въ основѣ которыхъ лежитъ практика Студійскаго монастыря. Въ краткой записи богослужебныхъ порядковъ и правилъ Студійскаго монастыря, извѣстной подъ именемъ *ὑποτύπωσις*, говорится слѣдующимъ образомъ относительно пищи и питія въ Великую субботу: τῇ δὲ ἁγίῳ Σαββάτῳ ὥρα ἑκδεκάτῃ ἄρχεται τὸ λυχνικόν. καὶ ὅπου σῶσει ἢ ἀπόλυσις, ἐσθίμεν δὲ τυρόν καὶ ἰχθῦς καὶ ὡά. ταὶ πένουμεν ἀνὰ γ'. Въ Святую субботу въ одиннадцатомъ часу начинается вечерня, и когда совершится отпустъ, ѣдимъ сыръ, рыбу и яйца и пьемъ по три (красовули вина). Migne. Patrol. ser. graec; t. XCIX, 1716, § 30. А. Дмитриевскій. Описаніе литург. рукоп., хранящихся въ библиот. правосл. востока. Т. I. *Τυπικά*. Кіевъ. 1895 г., стр. XV—XVI.

Это мѣсто значитъ не во всѣхъ спискахъ *ὑποτύπωσις*а. Такъ, въ списокѣ 1086 г. этого мѣста нѣтъ. (Дмитревскій, *ibid.* XVII стр.).

Διατύπωσις преп. Аѳанасія Аѳонскаго представляетъ изъ себя дальнѣйшее развитіе студійскаго устава. Въ твореніи преп. Аѳанасія заключается постановленіе относительно поста въ Великую субботу діаметрально противоположное практикѣ и постановленію студійскаго монастыря.

Τῇ δὲ ἁγίῳ σαββάτῳ μεσάζουσας τῆς ιβ'. ἀρχόμεθα τοῦ ἐσπερινοῦ, καὶ ὅπου σῶσαι ἢ ἀπόλυσις, ἢ δὲ τραπέζα οὐκ ἀνοίγει, διὰ γὰρ το βραδέως τὴν λειτουργίαν συμφάγειν, καὶ τὸ μὴ κόρω τὴν γαστέρα καταβαρῦναι καὶ τὴν διάνοιαν, τῇ εὐλογία μόνῃ ἀνκοῦμεθα, ἀνὰ δύο κράσεων μεταλαμβάνοντες ἐν τῇ νύκτι.

Во Святую субботу въ половинѣ двѣнадцатаго часа начинаемъ вечерню. По отпустѣ трапеза не отворяется, потому что литургія оканчивается поздно, и чтобы сытостію не обременить желудка и мысли. Мы довольствуемся однимъ благословеннымъ хлѣбомъ, выпивая по двѣ красовули вина въ нарѣикѣ. (Дмитревскій, *ibid.*, стр. 253, XVII).

Изъ вышеприведеннаго явствуетъ, что практика и вмѣстѣ съ тѣмъ постановленія о постахъ долгое время въ греческой церкви не были приведены къ единообразію. Эти противорѣчивыя

¹⁾ Мансметовъ. О постахъ. Приб. къ твор. св. отцовъ. 1885 г., часть 36, стр. 341.

постановленія греческихъ уставовъ отразились и въ славянскихъ переводахъ уставовъ. Такъ, въ спискѣ студійскаго устава (*Ἱποτάτωσι*) Моск. Синод. б. № 330—380, л. 211 значится слѣдующее: „въ великую же соуботу да боудутъ чисти хлѣби. сирѣчь питье великия. и да помазаны боудутъ маслѣмъ. и да възьметъ кждо отъ мнихъ по половинѣ. да ѣдятъ же. (вытерто слово, но можно разобрать, что стояло *рыбы*) и обоѣ брашно. сочиво же и зелиѣ съ маслѣмъ (далѣе вычищено, но можно разобрать, что было написано *сыръ же и яицъ*) оѣци оубо въ тѣ дѣи не взбранили соутъ“.—Отголоскомъ обычая въ Великую субботу употреблять скоромное (кромѣ мяса) служить слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное славянскимъ редакторомъ студійскаго устава, въ ркп. XV в. Синод. б. № 382—905, л. 315: „скорома же и рыбы нѣсми навькли ясти въ тую субботу, словенскаго ради нашего новаго просвѣщенія“. Мансветовъ. Митр. Кипріанъ въ его литург. дѣят., 163—164; 178. Димитріевскій. *Толка*, XVI—XVII стр. С. И. Смирновъ. Какъ говѣли въ древней Руси? стр. 28.

Такимъ образомъ обычай постить и не постить въ Великую субботу шелъ къ намъ изъ Греціи. Полагаемъ, что кромѣ письменныхъ памятниковъ это разнообразіе поддерживалось и непосредственнымъ примѣромъ грековъ: бывавшіе въ Россіи греки неодинаково относились къ посту въ Великую субботу; русскіе, бывавшіе въ Византіи, наблюдали тоже самое. Вообще, въ Греціи относительно постовъ, какъ и перстосложенія для крестнаго знамени, долгое время практика была неодинаковая. На смѣну студійскаго устава, начиная съ XIII в., у насъ сталъ входить въ употребленіе болѣе строгій іерусалимскій уставъ (Смирновъ, стр. 24; Мансветовъ, 176 стр.). Послѣдній уставъ предписывалъ въ Великую субботу строгій постъ.

Такимъ образомъ попове, разрѣшавшіе ѣсть въ Великую субботу скоромное, кромѣ мяса, дѣлали это на основаніи студійскаго устава, и составитель слова „о постѣ къ невѣжамъ“ напрасно называетъ ихъ невѣгласями. Ревнителіи же благочестія, исходя изъ предписаній іерусалимскаго устава, вооружались противъ стараго порядка и требовали строгаго поста. Такимъ образомъ, слово „о постѣ къ невѣжамъ“ вѣрно опредѣляетъ извѣст-

ный моментъ нашей общественно-церковной жизни. Указанное запрещеніе есть въ Великую субботу яйца и молоко могло начаться не ранѣе XIII вѣка. Что касается Чистаго четверга, то въ этотъ день, какъ говорить „слово о постѣ“, только приготовляли скоромныя кушанья, но не употребляли ихъ въ пищу. Студійскій уставъ въ этотъ день разрѣшалъ употреблять въ пищу вареніе (горячее) и обварено съ масломъ, а также вино. Никонъ Черногорецъ энергично возставалъ противъ такого послабленія. (Мансветовъ. Митр. Кипріанъ, стр. 191. О постахъ. Приб. къ твор. св. отц. ч. 37, 677 стр.).—Какъ видно изъ слова, заготовленная въ Великій четвергъ скоромная пища съѣдалась частью въ Великую субботу, а частью (мясо) на Пасху.—Постъ въ Великую субботу предписывался также составителемъ „слова о постѣ ѡ велицѣхъ“—ркп. Троицк. Серг. Лавр. № 11, л. 9в. См. № 26.

{ Кромѣ указаннаго нарушенія поста, по словамъ составителя слова „къ невѣжамъ“, нечестіе усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Чистый четвергъ кушанья предлагались покойникамъ, готовились для навій. Тогда же, въ Великій четвергъ для покойниковъ топили бани, вѣшали въ баняхъ чехлы и полотенца для обтиранія покойниковъ и поддавали пару (на печь льютъ). На другой день на полу бани, посыпанномъ золой и пепломъ (пропѣ-зола), находили слѣды, похожіе на куриный слѣдъ, принимали это за несомнѣнное доказательство прихода покойниковъ и говорили: „приходили к намъ навья мытса“. }

Составитель слова убѣжденъ, что въ баню дѣйствительно приходили, мылись, утирались полотенцами и оставляли птичій слѣдъ на пеплѣ—только не навья, а бѣсы, дѣлая это на прельщеніе неразумныхъ. — Само по себѣ это вѣрованіе общеизвѣстно: о немъ упоминается въ „словѣ св. отца нашего Іоанна Златоустаго—о томъ, како первое погани вѣровали въ идолы“ (Рук. Новгор. Софійск. Соб. № 1262. См. статья № 5). Отмѣченный обычай уцѣлѣлъ даже до нашихъ дней. [Мы лично наблюдали слѣдующее: когда всѣ окончатъ мыться въ банѣ (а это обычно бываетъ поздно вечеромъ), послѣдній выходящій, оставивъ сколько-нибудь горячей воды въ котлѣ, приноситъ ведро холодной воды,

! поддаетъ пару, т. е. льетъ ковшъ воды на горячую каменку и, сказавъ: „мойтесь“, поспѣшно уходитъ изъ бани; послѣ этого ходить въ баню „негодится“. Такъ дѣлають въ селѣ Лучесахъ Смоленской губ. каждый разъ, какъ топятъ баню. Въ Чистый четвергъ обязательно бываетъ баня: въ этотъ день всѣ и все должно быть чисто, даже кочерги, лопаты и ухваты моютъ, для чего ихъ носятъ на рѣку. Изъ слова „къ невѣжамъ“ не видно, топили ли въ Чистый четвергъ бани специально для мертвыхъ или для пользованія мертвымъ предлагалась баня, въ которой предварительно мылись живые. „Въ сѣни великии четвертокъ повѣдають мртвымъ мяса и млеко и яйца и мылница топѣ“, — выходить, будто бы бани топились специально для мертвыхъ. Но въ такомъ случаѣ гдѣ-же мыться живымъ въ Чистый четвергъ, если бани предоставлялись исключительно навьямъ? А потому мы полагаемъ, что и въ древности дѣло обстояло такъ, какъ и теперь. ; обстоить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, т. е. сперва моются живые. Повѣданіе, т. е. поставленіе для мертвыхъ мяса, молока и яицъ—безъ сомнѣнія весьма древній обычай: это какъ и бани для навій, остатокъ доисторическаго культа предковъ—покойниковъ, о чемъ мы говоримъ въ нашемъ изслѣдованіи, въ главѣ Родъ и рожаницы. Но и послѣдній обычай уцѣлѣлъ до нашихъ дней: въ Чистый четвергъ, когда уже смеркнется, благочестивая хозяйка беретъ кувшинчикъ молока, тарелку съ мясомъ и молокомъ, хлѣбецъ, соль и все это ставитъ въ укромномъ мѣстѣ двора подъ повѣтью, подъ самой крышей, а еще лучше на самую крышу. Пишущему эти строки, когда онъ былъ ребенкомъ, неоднократно вечеромъ въ Чистый четвергъ поручалось одной благочестивѣйшей и добрѣйшей старушкой поставить молоко и прочее съѣстное на крышу сарая. Дѣлалось это подъ строжайшимъ секретомъ. Не сомнѣваемся, что это была трапеза для навій, обличаемая словомъ „къ невѣжамъ.“ Мы не знаемъ, что дѣлали потомъ съ этимъ молокомъ, мясомъ и вообще съѣстнымъ. Вѣроятно, это съѣдалось на первый день Пасхи. Что касается „четверговой соли“, то ея „чудодѣйственная“ сила отъ болѣзней общеизвѣстна и въ наши дни. — Такимъ образомъ, всѣ указанные въ словѣ сுவѣрія, будучи сами по себѣ весьма древняго происхожденія, въ